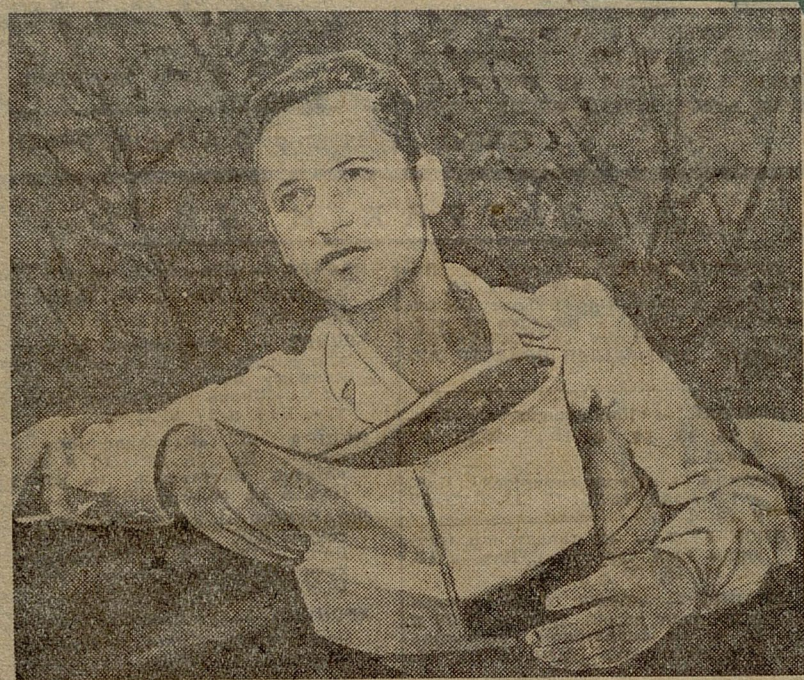

ТВОРЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

ЧАСТИЦА ЖИЗНИ АКТЕРА

О ГЕНРИКАСЕ Кураускасе принято говорить, как о молодом актере. Человек он, действительно, еще молодой, но актер — уже опытный, рано пришедший в театр, много лет выступающий на сцене — сначала в Каунасе, а затем в Академическом театре драмы Литовской ССР. Г. Кураускас создал уже много ролей, причем самых разнообразных. Достаточно вспомнить лишь нескольких его героев, чтобы судить о широте творческого диапазона актера. Незнаком в «Без вины виноватые» Островского и брызжащий юмором и весельем студент Сильва (комедия К. Саи «Сильва студент»), Юргялис в драме Б. Сруоги «Доля предрассветная», трагические образы шиллеровских героев Фердинанда («Коварство и любовь») и Моргимера («Мария Стюарт»), сложный внутренний мир шекспировского Гамлета и беспокойное, пламенное сердце поэта-революционера Юлиуса Янониса...

Последний образ — одна из лучших актерских работ Г. Кураускаса. С его Янонисом мы встречались дважды — в пьесе Ю. Бутенаса и А. Кярнагиса «Полюбил я неба синеву» (Академический театр драмы), а затем в кино.

Пролетарский поэт Янонис — выдающееся явление в литовской поэзии. Очень короткая, но до краев переполненная бурными событиями грозных лет, напряженным трудом и борьбой за освобождение народа была жизнь основоположника литовской пролетарской поэзии. В Литве, пожалуй, не найти человека, который не знал бы наизусть

стихов Янониса. Вот почему на спектакль Академического театра драмы Литовской ССР «Полюбил я неба синеву» Ю. Бутенаса и А. Кярнагиса идешь в некоторой степени с раздвоенным чувством. Ожидаешь большого праздника от встречи с впервые художественно воссозданным образом Янониса, и вместе с тем где-то в глубине души притаились сомнения: не ожидает ли нас острое разочарование, действительно ли состоится эта встреча?

Ведь дело не только в том, что сама тема Янониса многогранна, и ее трудно полностью охватить в спектакле. В памяти встают многие неудавшиеся попытки воссоздать на сцене и в кино образы выдающихся людей. Наконец, если перед спектаклем вы прочли драму «Полюбил я неба синеву», то заметили обилие цитат из поэзии Янониса. Да и сам факт, что играешь поэта-трибуна — разве все это не могло увести молодого актера на путь декламации, поверхностного пафоса. К счастью, этого не случилось, ибо Генрикас Кураускас избрал другой путь — самый трудный, но и самый плодотворный.

Актер воссоздал на сцене лирического героя поэзии Юлиуса Янониса, слив воедино лирическое «я» поэта с материалом пьесы, расширив таким образом ее рамки. Каждое стихотворение, которое читает Янонис — Г. Кураускас, мы воспринимаем не как иллюстрацию к биографии, даже не как талантливое повторение с детства полюбившихся стихов, а как услышанное

впервые — мы присутствуем при рождении этих строк. Многие лучшие сцены, где звучит голос Янониса-лирика, влюбленного в светловолосую девушку Юсте, и Янониса-поэта, исполненного пламенной любви к людям труда и жгучей ненависти к угнетателям, — эти сцены воспринимаются как акты подлинного поэтического творчества.

Трепетной нотой предчувствия большой жизни начинается спектакль Г. Кураускаса. Юный гимназист всматривается вдаль, в вырисовывающиеся на ясном солнечном небе башни Шяуляй, задумчивый, с чуть подернутыми грустью глазами. Но грусть эта светлая — это грусть ожидания. Задумчивые, серьезные глаза актера смотрят на нас во время всего спектакля, и в них отражаются тончайшие переходы мыслей и оттенки переживаний, в них бежит пытливая, ищущая мысль юноши, в них отражается весь духовный рост и умственное мужание Янониса.

Г. Кураускас не только глубоко раскрывает внутренний мир, но и показывает становление характера Янониса. Вначале Юлиус еще многого не понимает. Его влечет к добру, он ненавидит несправедливость. Услыхав об издевательствах и произволе, творимых мастером над рабочими, быстро сменив гимназическую форму на рабочую одежду, Янонис спешит на завод, чтобы сплотить людей на совместную борьбу. Однако неопытный гимназист не находит общего языка с рабочими. Они не пошли за ним, не поверили ему. Растерянный, разбитый возвращается Юлиус в свою маленькую комнатку. Как глубоко пережи-

вает неудачу Янонис — Кураускас, каким слабым кажется он самому себе, сколько горечи, разочарования и неудовлетворенности собой в печальных глазах, бессильно повисших руках, когда Юлиус говорит: «Я испугался и бежал»...

Целеустремленным и волевым становится Янонис — Кураускас в сценах, происходящих в Воронеже, куда в начале первой мировой войны эвакуируется гимназия. Здесь происходит идейное размежевание среди учащихся литовской школы. Янонис и возглавляемая им группа молодежи порывают с либерально и националистически настроенной частью гимназистов. Здесь в содружестве с русскими рабочими по-настоящему развертывается революционная деятельность поэта, которая получает еще больший размах в Петрограде.

Сыновняя любовь к Литве, к народу рождает у Янониса великую ненависть к эксплуататорам. И в слове этих двух чувств — любви и ненависти — весь гражданский пафос созданного актером образа. Янонис — Кураускас предстает перед нами не только как большой поэт-революционер, но и как прекраснейшая, обаятельная человеческая личность.

В ранее созданных, конечно, совершенно разных и в разной степени удавшихся образах Генрикас Кураускас уже в какой-то мере определил романтически приподнятую манеру игры, к которой он стремится.

Но, глядя на Кураускаса в ролях, например, Фердинанда или Юргялса, мы чувствовали, что здесь еще не распылась по-на-

стоящему его актерская индивидуальность. Как ни странно, но большой темперамент Г. Кураускаса зачастую становился помехой в творчестве. Волна темперамента подхватывала и уносила молодого актера, в то время как мысль просто «терялась» в хлещущих через край эмоциях. В образе Янониса темперамент Кураускаса оказался глубоко «спрятанным», но именно эту роль он сыграл наиболее темпераментно!

Известна сдержанность Янониса. Ведь не случайно товарищи по гимназии называли его «наш старичок». Она-то и вынудила актера многое пересмотреть, отказаться от открытой эмоциональности, пойти даже на некоторую внешнюю скованность, сосредоточив все внимание на внутренней жизни поэта. И в этом смысле не только актер лепил образ Янониса, но и Янонис создавал Кураускаса как мыслящего актера.

Вот одна из наиболее удачных сцен спектакля. Кабинет жандармского следователя. Янонис не может поверить, что его друг Вардулис способен на предательство. Вардулис вводит на очную ставку. Янонис сидит спиной к нему, крепко сцепившись рукой за угол стола. Он весь застыл от напряжения. Ни малейшего движения, ничто не дрогнуло на его лице, только чуть приподнятые брови и широко открытые, в одну точку устремленные глаза передают нервное напряженное ожидание, завадевшее в этот миг Янонисом: где-то в глубине души, почти подсознательно он уже понял, что Вардулис действительно предал его, но

Юлиус не может и не хочет этому поверить — он ждет, что скажет школьный товарищ...

В другом спектакле по крайней мере странно прозвучал бы финал этой картины. Следовательно бьет Янониса по лицу, а Г. Кураускас медленно встает, выпрямляется и... читает стихи. Но благородная сдержанность и сосредоточенность актера таковы, весь приподнято поэтический стиль игры таков, что стих в ответ на пощечину органически воспринимается как ответный удар, как взлет морально победившего.

Или маленькая сценка признания в любви. Актер произносит всего лишь несколько слов, но говорит он с большой внутренней взволнованностью, поворачивая к нам образ какой-то новой, неожиданной гранью.

Конечно, не все еще одинаково удалось актеру. Пожалуй, Г. Кураускас чересчур подробно рисует болезнь Янониса, и это во второй половине спектакля переходит в ненужное подчеркивание недуга поэта. Справедливости ради следует сказать, что в последних спектаклях Янонис — Кураускас становится светлее, оптимистичнее. И, видимо, образ героя спектакля со временем будет приобретать новые оттенки, новые грани, ибо Янонис для Кураускаса — не просто отлично сыгранная роль, а кусок жизни актера, частица его самого.

Да, Янонис — это не просто актерская удача, а частица жизни Г. Кураускаса. Об этом мы еще раз подумали, когда встретились с Кураускасом — Янонисом вторично — на этот раз в кино. Подумали еще раз о том, насколько неисчерпаема эта большая тема маленькой по времени жизни Янониса, ибо кинофильм не повторил спектакля, так же, как кинообраз Янониса не повторил его сценического прелестника. Г. Кураускас, развивая ха-

рактер своего любимого героя, сумел в кинофильме найти новые черты, обогатил образ новыми красками, еще сильнее подчеркнув революционную страстность Янониса, его непримиримое отношение к врагам рабочего класса.

Всего лишь за несколько месяцев до Октябрьской революции трагически обрывается жизнь 21-летнего поэта. С огромным подъемом проводит актер финальную сцену и финальный кадр. Пораженный тяжелым недугом, Янонис — Кураускас мечтает о том времени, когда все люди будут здоровы, веселы, счастливы. Янонис с грустью говорит о том, что не может стать обузой для товарищей, не в силах выполнить возложенные на него обязанности. Актер раскрывает внутреннее потрясение, всю трагедию физически сломленного, но рвущегося в бой юноши.

На наших глазах горит и в последний раз вспыхивает яркий факел поэтического и гражданского таланта Янониса. Именно потому, что в кино и в сценическом образе, созданных актером, слились воедино «жизнь человеческая» с «жизнью поэтического духа», Янонис-человек с Янонисом-поэтом, мы в предсмертных его стихах так явно слышим зов новой жизни, видим зарю, рождающуюся в муках уходящей ночи. После спектакля, как и после кинофильма, мы поднимаем зрительный зал, преисполненные благодарности к актеру, унося с собой тепло трепетного рукопожатия Янониса, переданное нам вдохновенным, высокопоэтическим творчеством Генрикаса Кураускаса. За создание роли поэта-революционера в кино и театре Генрикас Кураускас представлен на соискание Государственной премии.

М. ПЕТУХАУСКАС.
НА СНИМКЕ: Г. Кураускас.
Фото Н. Верзилова.

«СОВЕТСКАЯ ЛИТВА»
Г. Вильнюс

14 июл 1954